

УДК 141.32

О.В. Громова

соискатель каф. философии

Днепропетровского Национального университета имени О. Гончара (Украина)

**СВОБОДА И ОДИНОЧЕСТВО КАК КЛЮЧЕВЫЕ КОНЦЕПТЫ
В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ Ж.-П. САРТРА**

Рассматривается проявление феномена одиночества в философии Ж.-П. Сартра. Во введении рассмотрена специфика освещения вопросов свободы и одиночества в экзистенциальной антропологии Ж.-П. Сартра. В основной части рассматриваются главные принципы понимания экзистенциальных феноменов, о которых пишет Ж.-П. Сартр; выделены мотивы свободы и одиночества как ключевые концепты в идеях философа. Акцентируется внимание на том, каким образом Сартр подводит к теме одиночества в своих произведениях, выделяется место концепта отчуждение в его философии. В статье использованы методы, обусловленные экзистенциальной парадигмой. К феномену одиночества в разнообразных его проявлениях обращается практически каждый экзистенциальный философ. Часто дискутируемый тезис о свойственном современной науке антропологическом повороте нуждается в критической рефлексии, и с этой точки зрения обращение к творчеству Сартра как нельзя более актуально. В заключении указывается, что одним из самых важных вопросов остается проблема индивидуального бытия. Ж.-П. Сартр в каждом своем произведении пытается найти ответы на вопросы о смысле существования, развивая темы свободы и одиночества. Особая актуальность данной темы связана с тем, что сегодня изучение проявлений одиночества приобретает междисциплинарный характер и основывается на стремлении понять закономерности этого явления. Феномен одиночества сложен и многогранен; в современном научном знании нет единства мнений не только по поводу его определения, но и его возникновения и трансформации. Полученные результаты могут быть применены для дальнейшей работы над вопросом места свободы и одиночества в экзистенциальной философии Ж.-П. Сартра.

Введение

Проблематика экзистенциальной философии отражает важнейшие темы: каков человек и окружающий его мир, каков смысл бытия, как человек, будучи зависим от объективных воздействий, определяет свое бытие и познает собственное субъективное «я», решает встающие перед ним экзистенциальные вопросы. Экзистенциализм развивался как сумма антропологических парадигм, среди которых затруднительно вычленишь какое-либо отчетливое учение или систему, поскольку никто из экзистенциальных философов не стремится создать «направление» или «школу». Философия экзистенциализма проявляется в неустанном вопрошании о «подлинном» и «неподлинном», о бытии человека в мире и его предназначении. Экзистенциалистов не волнует обсуждение истины как формально-логической правильности. Они намеренно дистанцируются от идеи безличного знания, осуществляя переход философского дискурса из плоскости онтологии в плоскость антропологии. В экзистенциальном дискурсе истина перестает быть чем-то абстрактным, поскольку истиной становится то, что я знаю о себе и о мире, то, что я чувствую. Безразличное теоретическое знание, которое можно категоризировать, анализировать с точки зрения экзистенциализма не может быть ценным. Фокусирование внимания смещается на ключевые понятия, экзистенциалы, которые становятся основной темой философствования: свобода, забота, ответственность, страх, одиночество, тревога, неизбежность смерти. Такой подход задает особый ракурс рассмотрения человеческого бытия. В частности, для экзистенциальных мыслителей тема одиночества выступает как одна из наиболее важных тем. Экзистенциальная философия утвер-

Научный руководитель – В.Б. О कोरोков, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Днепропетровского Национального университета имени О. Гончара

ждает, что человеческой жизни одиночество имманентно, что оно выступает не как результат внешних, случайных обстоятельств, но укоренено в самом бытии. Говоря об особенностях, индивидуалистичности бытия человека, экзистенциалисты обозначают в нем различные проявления феномена одиночества: в частности, одиночество как ответственность и одиночество как отчуждение, о которых речь ниже.

Сартр начинает с важнейших вопросов о том, каким образом человек, утративший связи с природой и с другими людьми, надеется обрести смысл в действительности, которая затоплена абсурдом и тревогой. Он разделяет различные способы бытия: бытие человеческой экзистенции («бытие-для-себя») и бытие вещного мира («бытие-в-себе»), задавая им радикально отличающиеся друг от друга свойства. Бытие-в-себе «есть то, что оно есть», голая фактичность, оно является пассивным, антидиалектичным. Бытие-для-себя никогда «не дано», ему только предстоит осуществиться. Бытие-для-себя выступает как проективное, оно «есть то, что оно не есть, не будучи тем, что оно есть». Это его свойство Сартр выражает знаменитым тезисом «существование предшествует сущности», показывая принципиальное отличие бытия человека от бытия предметов. В программном труде «Экзистенциализм – это гуманизм» он приводит иллюстрацию того, как проявляется разница существования и сущности. Например, когда ремесленник делает нож, он руководствуется при его создании «определенным понятием, а именно понятием ножа, а также заранее известной техникой, которая предполагается этим понятием и есть, в сущности, рецепт изготовления... Нож является предметом, который, с одной стороны, производится определенным способом, а с другой – приносит определенную пользу. Невозможно представить себе человека, который бы изготавливал этот нож, не зная, зачем он нужен... У ножа его сущность, то есть сумма приемов и качеств, которые позволяют его изготовить и определить, предшествует его существованию» [1, с. 321]. Человек же в отличие от предмета «сначала существует, встречается, появляется в мире, и только потом он определяется... Человек потому не поддается определению, что первоначально ничего собой не представляет. Человеком он становится лишь впоследствии, причем таким человеком, каким он сделает себя сам. Таким образом, нет никакой природы человека, как нет и бога, который бы ее задумал. Человек просто существует, и он не только такой, каким себя представляет, но такой, каким он хочет стать» [1, с. 322]. Человек сначала осуществляет свое пребывание в мире и только потом находит свою сущность, формирует себя, создает свою личность. В отличие от предмета человек, пока он жив, всегда остается незавершенным проектом, делает и снова переделывает себя сам. Сущность не дана ему с рождения, он сам выбирает себя, оставаясь в этом выборе совершенно свободным. Этот тезис является принципиальным для понимания экзистенциальной антропологии.

Сущностью, говорит Сартр, является все то, что можно указать о человеческом бытии словами: это *есть*. И поэтому сущность «есть целостность свойств, которые *объясняют* действие. Но действие всегда по другую сторону этой сущности, оно является человеческим действием, лишь поскольку опережает всякое объяснение, которое ему дают, как раз потому, что все у человека можно обозначить формулой: это есть в силу того, что это было» [2, с. 105]. Человек вынужден непрерывно нести с собой понимание своей сущности до того, как будет сформировано суждение о ней, и поэтому он отделен от сущности через ничто. «Сущностью и является все то, что человеческая реальность понимает о себе как *бывшей*. И именно здесь появляется тревога как постижение себя, как существующего в постоянном отрыве от того, что есть; еще лучше: человек делает себя существующим как таковой» [2, с. 105]. Если признать, что существование предшествует сущности, то как субъекту, наделенному сознанием и волей, человеку необходимо приложить максимальные усилия для реализации себя. Также существование за-

висит не только от него самого, его целей и желаний: объективные факторы, такие как социальная среда, характер, наследственность, задают ограничения. «Человек – это то, что следует преодолеть», и «жизнь до того, как мы ее проживем, – ничто, но это от вас зависит придать ей смысл».

Сартр считает, что никто не разделит с человеком ключевые экзистенциальные моменты его бытия. Таким образом, сам человек вынужден стать ответственным за принятие решений и в одиночестве будет ощущать их тяжесть. «Я появляюсь один и в тревоге перед единственным и первичным проектом, конституирующим мое бытие; все барьеры, все опоры рушатся, ничтожатся сознанием моей свободы; я не должен и не могу прибегать ни к какой ценности, исходя из факта, что именно я поддерживаю в бытии ценности; ничто не может обезопасить меня от меня самого, отрезанного от мира и своей сущности этим ничто, которым я являюсь, я должен реализовать смысл мира и свою сущность; я принимаю решения в одиночестве, без оправдания и без извинения» [2, с. 111]. Общество выступает как чуждый и враждебный механизм, поскольку в обществе, отказавшись от себя самого или боясь принятия ответственности, человек становится обезличенным, «поглощенным общей невнятистью». Вина за собственное несовершенство и ответственность за все, что происходит вокруг него, проявляются как обратная сторона свободного человека.

При этом судьба человека парадоксальна: он вынужден выбирать, хотя по сути не получает никаких внешних оснований для того, чтобы сделать выбор. Никогда не выступая как трус или храбрец раз и навсегда, субъект пребывает в устремленности к раскрытию своей сущности, каждый раз снова и снова решая, поступит ли он храбро или трусливо. «Если я сочту данный поступок благим, то именно я, а не кто-то другой, решаю, что этот поступок благой, а не злой. ...Для каждого человека все происходит так, как будто взоры всего человечества обращены к нему и будто все сообразуют свои действия с его поступками. И каждый человек должен себе сказать: действительно ли я имею право действовать так, чтобы человечество брало пример с моих поступков? Если же он не говорит себе этого, значит, скрывает от себя свою тревогу» [1, с. 326].

По мнению Сартра, свобода является не качеством: человек не может выбирать, потому что свобода предъявлена человеку как требование. Свобода проступает, когда через тревогу человек постигает неизбежность своего небытия. В бытии-для-себя человек «обречен на свободу», поскольку выступает как незавершенный проект: до тех пор пока он жив, он делает и снова переделывает себя тем, что выбирает и создает свои поступки. «Именно свободный поступок и определяет всякий раз его действительность и даже его смысл» [3, с. 675]. Фактически свобода становится важнейшей характеристикой человеческой экзистенции, поскольку выступает не как «свойство моей природы», но как «содержание моего бытия». Однако свобода в итоге оказывается вовсе не благом, а роковой фатальностью. «Следует заметить, что свобода, обнаруживающаяся через тревогу, характеризуется постоянно обновляемой обязанностью переделывать Я, которое обозначает свободное бытие» [2, с. 104]. «Тревога есть, следовательно, рефлексивное постижение свободы ею самой. В этом смысле она выступает посредником, так как, являясь непосредственным сознанием самой себя, она возникает в отрицании требований мира. ...В тревоге я постигаю себя сразу полностью свободным и не могущим не делать того, благодаря чему смысл мира приходит к нему через меня» [2, с. 111]. В попытках субъекта избавиться от тревоги проступает то, что человек не может справиться с ней: «бегство от тревоги не есть только усилие отделения от будущего: оно пытается также устранить угрозу прошлого. От чего я пытаюсь бежать здесь, это и есть моя трансцендентность, поскольку она поддерживает мою сущность и возвышается над нею. Я утверждаю, что я есть моя сущность в способе бытия-в-себе» [2, с. 114]. Таким образом, человек бежит от тревоги, пытаясь «постигнуть себя извне как другого или как вещь».

Но можем ли мы добиться различными построениями того, чтобы приглушить или скрыть нашу тревогу? Сартр дает однозначный ответ: мы не можем устранить ее, поскольку сами «мы являемся *тревогой*» [2, с. 116].

Сартр уделяет пристальное внимание главным моментам индивидуального существования. Один из важнейших процессов, по его мнению, – отчуждение между личностью и обществом. Это трансформируется в утрату коммуникации и нарастание чувства социального одиночества. Попытки человека убежать от тревоги в «безличность», в то, что Хайдеггер называет «успокоенно-близкое-в-мире-бытия», с помощью суеты создавая иллюзию смысла, оканчиваются ничем. Отказ от собственной экзистенции в пользу чего-то или кого-то, перепоручение другому своего бытия, помимо безличности, рождают чувство абсурда и отчуждения от мира. В экзистенциальной философии проблема «подлинного» и «неподлинного» существования выступает как центральная. Жить неподлинной жизнью, предавая забвению самое себя, свое бытие, осуществляя себя как фактичность, – это то, что, по мнению Сартра, приводит к отчуждению.

Концепт отчуждения, воспринимаемый через призму идей Маркса, изучается Сартром досконально. Сартр пристально присматривался к учению Маркса и отдавал должное его идеям. Он высказывал мнение, что Маркс предлагает отличный от Гегеля вариант диалектики: диалектическая система Гегеля не требует доказательств, она догматична и дистанцируется от реального исторического процесса. Диалектика Маркса, напротив, построена критически: он изучает диалектические явления, которые проявлены в бытии. Сартр скорее негативно высказывается о трех законах диалектики, которые предложил Гегель, и настойчиво утверждает, что подобные законы могут быть свойственны лишь обществу, но не личности. Сартр уважительно относился к марксизму, однако не стал его последователем. Сартр представляет антропоцентричное толкование явлений, в то время как Маркс предлагал социоцентричные трактовки, фокусировал свои выводы в соотнесении с явлениями, которые он наблюдал в обществе. Сартр в отличие от Маркса говорит не о «противоречиях», или противоположностях, он всегда говорит о переживаниях субъекта к контексте отчуждения. «Я нахожусь по другую сторону всякого познания, которое я могу иметь; это – я, которое познает другой. И это – я в мире, который другой отчуждал от меня, ибо взгляд другого охватывает мое бытие и соответственно стены, дверь, замочную скважину; все те вещи-инструменты, в середине которых нахожусь я, поворачивают лицо к другому, которое в принципе избегает меня. Таким образом, я являюсь своим Эго для другого в середине мира, который течет к другому. ...Мое отчуждение, являющееся рассматриваемым-бытием, предполагает отчуждение мира, который я организую» [2, с. 417–419]. Ключевым словом, вокруг которого он развивает тему отчуждения, является вводимый им термин «нехватка». Именно нехваткой Сартр пытается объяснить многие явления в общественной и индивидуальной жизни. К примеру, нехватка какого-либо ресурса делает другого врагом. По меткому замечанию Арона, понятием «нехватка» Сартр продолжил знаменитый тезис Гоббса «человек человеку – волк».

Дискурс о другом развивает тему отчуждения и одиночества как отчуждения. Вступая в дискурс с другим, мы обнаруживаем двойное отрицание: я отрицаю другого, но и другой отрицает меня; другой, становящийся объектом для меня, вынуждает мое я также становиться объектом. Сартр говорит о том, что Я-для-другого – это Я-объект, отчуждаемое я. Оно расположено на границе субъективности моей и субъективности другого. Именно за счет своего я мне удается держать другого на определенной дистанции. Граница понимается Сартром двояко: с точки зрения другого как ограничителя, граница – это вместилище меня, моя оболочка; с точки зрения меня как ограничиваемого, граница – это предел моей самости, к которому она стремится, но который никогда не может быть ею достигнут. Отношение с другим проявляет отрицание меня, поскольку

ку другой не есть я; другой выступает как объект, утрачивает свою субъектность. Если я вынужден признать другого, то вынужден признать, что существует Я-для-другого, «произведенное одним и принятое к себе другим». Оно получает свою абсолютную реальность тем, что «является единственно возможным разделением между двумя существами, глубоко тождественными в том, что касается их способа бытия, непосредственно присутствующими одно к другому, поскольку только сознание способно ограничить сознание, никакой средний член между ними немислим» [2, с. 308].

Сартр говорит о «пограничных состояниях» и «часах ясности», «минутах просветления», убедительно показывая, что именно перед лицом смерти мы ощущаем подлинную ценность жизни. В этот момент, когда перед человеком открывается Ничто, бездна, которая была для него абстрактной в силу его охваченности повседневностью, человека охватывает тревога. Проявление тревоги и есть подлинное бытие, вынести которое намного трудней, чем пытаться существовать в условиях заведенного порядка вещей. «Мы бежим от тревоги, пытаемся постигнуть себя извне как другого или как вещь. То, что обычно называют открытием глубокого смысла или первичной интуицией нашей свободы, не имеет ничего первоначального: это процесс уже сконструированный, явно предназначенный для того, чтобы скрыть тревогу, подлинно “непосредственное данное” нашей свободы. Добиваемся ли мы этими различными построениями того, чтобы приглушить или скрыть нашу тревогу? Конечно, мы не можем ее устранить, поскольку мы являемся тревогой» [2, с. 116].

Сартр уверен, что у человека «нет другого законодателя, кроме него самого, и что решать свою судьбу он будет в полном одиночестве» [1, с. 327]. В кризисные моменты, на грани жизни и смерти, социальные установки перестают иметь значение, понимается их бессмысленность, изменяется система оценок происходящего. Человек оказывается наедине с собой, и мир для него становится иным, проявляется пустота и ничтожность социального на фоне подлинно значимого. Непрочность бытия, его призрачное благополучие выступают сквозной темой философии Сартра. Призрачность мира является в том, что человек не может не только защитить себя от происходящих вовне событий, но даже от того, что происходит в нем самом. Сартр убежден, что жизнь – это единственная объективная реальность, кроме нее, ничего нет. Жить неподлинной жизнью, предавая забвению самое себя, свое бытие, осуществляя себя как фактичность; именно это, по мнению Сартра, приводит к отчуждению от подлинности, в результате чего накапливаются чувства враждебности. «За пределами «человеческой бытийности» есть одно только великое Ничто; поэтому человеку нет смысла искать опоры, перестраховки. Он не может рассчитывать ни на помощь, ни на подсказку свыше. Он всегда наедине с собой» [2, с. 42].

Необходимость искать ответы на вопрос о смысле существования, о сущности добра и зла, об одиночестве человека в мире, побуждает Сартра к поискам новых литературных форм. Он создает новые подходы в литературе: экзистенциальный роман (роман «Тошнота» сделал его знаменитым), психологически-философский роман-биография (книги о Бодлере, огромный роман о Флобере). Роман становится более приемлемой формой изложения, поскольку в отличие от философского трактата позволяет точнее передать переживаемые индивидом чувства. Дополнительно это вовлекает читателя в рассмотрение сложного философского вопроса, поскольку побуждает его переосмыслить происходящее в проекции на собственную личность. Такая форма позволяет полнее осуществить передачу настроения, порывов, зачастую противоречивых эмоций, которые и составляют внутренний мир человека. Герои экзистенциальных произведений Сартра в результате происходящих с ними событий убеждаются в бесполезности рациональности, или привычного, способа самоопределения. Ощущение ситуации как исключительной, осознание поверхностности коммуникации с другими порождает острое чувство одиночества. События в произведениях Сартра поворачиваются так, что фо-

кусируют субъекта на себе, и формальная коммуникация не может избавить от этих переживаний. Давление обстоятельств в пограничной ситуации проявляется таким образом, что герой ощущает тотальное одиночество. Человек осознает бесполезность рационализации и привычного ему способа реагирования и самоидентификации. Оставшись в социальном вакууме, он испытывает потребность, порой даже агрессивную, утвердить себя, обратить на себя внимание. Однако парадоксальным образом именно такое существование в полном одиночестве и фактически за гранью кризиса возвращает личность к ее подлинному бытию. Независимо от своего состояния, от силы и яркости событий, качества происходящего герой экзистенциального произведения осознает значимость жизни, поскольку он смертен и одинок. Перед войной Сартр публикует рассказы из сборника «Герострат». Эти произведения развивают важнейший для его творчества сюжет: герой, попадая в пограничную ситуацию, переживает одиночество, поскольку становится заброшенным, предчувствует свою гибель, нарушаются или разрываются его социальные связи. Сартр показывает, как под воздействием пограничной ситуации происходит отсечение всего искусственного, того, что было навязано обществом. Совершая поступки, несовместимые с общепринятой моралью, чтобы только быть замеченным, поскольку равнодушие мира унижительно и невыносимо, герой «Герострата» говорит: «Я знаю, что они мои враги, но они этого не знают. Они любят друг друга, пожимают друг другу руки. А меня... меня они иногда похлопывали по плечу, потому что считали себе подобным. Но если бы они могли знать самую нелицеприятную часть правды, они бы меня избили. ...Я им покорился, сил сопротивляться у меня не было. Внезапно в самой гуще этой толпы я почувствовал себя ужасно одиноким и ничтожным. Как легко они могли причинить мне боль, если бы только захотели!» [5].

Важно отметить еще одну особенность понимания феномена одиночества как отчуждения в философии Сартра, когда другой выступает мотивом постижения человека в качестве собственно свободной самости. В третьей части «Бытие и ничто», которая имеет выразительное название «Для-другого», Сартр последовательно показывает, как индивидуальное сознание может быть понято через интерсубъективность. Он говорит о том, что бытие проявлено как бытие для другого, исследуя этот феномен через понятие «взгляд». Сартр говорит, что каждый смотрится в другого как если бы другой был его зеркалом. Именно взгляд другого делает меня объектом, и я, в свою очередь, своим взглядом делаю объектом другого. Взгляд определяет мое самосознание, поскольку, не будь другого, я не смог бы стать объектом для себя самого. Но фактически это означает и то, что моя свобода становится ограниченной посредством свободы другого. Соотношение свободы и необходимости постигается как отчуждение: в моем сознании рождается отчуждение, которое создает конфликт. Поскольку свобода другого неотчуждаема, сутью отношений людей друг с другом становится конфликт. «Конфликт есть первоначальный смысл бытия для другого. Все то, что нужно для меня, нужно и для другого. В то время как я пытаюсь освободиться от захвата со стороны другого, другой пытается освободиться от моего, в то время как я стремлюсь поработить другого, другой стремится поработить меня» [4, с. 22].

В заключение скажем, что проблемы, о которых говорит Ж.-П. Сартр, вызывают особый интерес в контексте нынешнего состояния общества, которому характерна смена парадигм. Порожденный техногенной цивилизацией духовно-интеллектуальный кризис создает основания для переоценки смыслов и возможностей человека, выводя на передний план сущностные антропологические вопросы о границе свободы, неизбежности смерти и одиночества. По мнению Сартра, развиваясь, цивилизация на каждом этапе поднимает эти проблемные вопросы как требующие разрешения и теоретического переосмысления. Римляне в момент триумфа и наивысшей славы произносили: «Memento mori!». Эта мысль проявляется также и в экзистенциальном дискурсе: жизнь, бы-

тие человека становится для нее единственной реальностью и главной ценностью. Важнейшим во все времена по-прежнему остается вопрос индивидуального бытия, очень личный для каждого из нас, вопрос смысла существования, поднимаемый Сартром, который он пытается решить в каждом своем произведении.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.-П. Сартр // Сумерки богов / Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм, А. Камю, Ж.-П. Сартр. – М., 1990. – С. 319–344.
2. Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр ; пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. – М. : АСТ/Астрель, 2009. – 928 с.
3. Сартр, Ж.-П. Дневники странной войны. Сентябрь 1939 – март 1940 / Ж.-П. Сартр. – СПб. : Владимир Даль, 2002. – 366 с.
4. Сартр, Ж.-П. Аллюзия любви [Текст] / Ж.-П. Сартр, С. де Бовуар. – М. : Алгоритм, 2008. – 240 с.
5. Сартр, Ж.-П. Герострат [Электронный ресурс] / Ж.-П. Сартр. – Режим доступа: <http://books.atheism.ru/files/gerostrat.htm>. – Дата доступа: 26.09.2016.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.10.2016

Gromova O.V. Freedom and Loneliness as the Main Concepts in Existential Anthropology of J.-P. Sartre

The purpose of this article is to trace the expression of loneliness phenomenon in philosophy of J.-P. Sartre. The introduction discusses the specifics of coverage of issues of freedom and loneliness in existential anthropology of J.-P. Sartre. The article gives a detailed analysis of the main principles of understanding the existential phenomena according to J.-P. Sartre. The author distinguishes the motives of freedom and loneliness as the key concepts in existential anthropology of J.-P. Sartre. The attention in the articles is focused on how Sartre brings the theme of loneliness in his works and the place of alienation concept of alienation is highlighted in his philosophy. The article uses the methods arising from the existential paradigm. Almost every existential philosopher applies the phenomenon of loneliness in its various forms. Often debated thesis about inherent to modern science anthropological turn requires critical reflection, and from this point of view, an appeal to the creativity of Sartre could not be more urgent. In conclusion, the article points out that one of the most important issues is the problem of human existence. J.-P. Sartre in his works is trying to find answers to questions about the meaning of existence, developing the theme of freedom and loneliness. The particular relevance of the topic is related to the fact that today the study of manifestations of loneliness gets interdisciplinary nature and is based on the desire to understand the patterns of this phenomenon. The phenomenon of loneliness is complicated, multi-faceted, in modern scientific knowledge there is no agreement about its definition and its occurrence. The results we have got can be applied to further work on the question of the place of freedom and loneliness in existential anthropology of J.-P. Sartre.